

ВЕСТНИК РХД

Условия подписки на 2006 год № 189 и 190

Франция и Европа (Венгрия, Чехия, Украина и Россия см. с. 389–391)	32 €
Другие страны (AIR MAIL)	34 €

Цена отдельного номера 16 €

Чеки выписывать на имя: «LE MESSENGER»
(Почтовый счет – ССР: № 23-601-57 U, Paris)
В США и КАНАДЕ чеки в \$ US высылать
на имя представителя (см. с. 389)

Вестник Русского Христианского Движения
издается при участии издательства «YMCA-Press»
и Русского общественного фонда

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

«Le Messenger», c/o YMCA-PRESS
11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005, Paris, F.
e-mail: vestnik@free.fr

Directeur responsable NIKITA STRUVE

ВЕСТНИК

русского христианского
движения

190

Париж – Нью-Йорк – Москва

Обо всем подумало,
Лишь о пламени забыло,
Все предвидело,
Но о той душе не вспомнило...

Рассчитало все
Предусмотрительно.
Лишь забыло об одном,
О том сердце бьющемся.

Перевод Н.А. Струве

ЛИТЕРАТУРА

«Образ Николая Чудотворца» в творчестве А.М. Ремизова

Вы слишком рафинированный автор...
Из письма Б.П. Вышеславцева А.М. Ремизову

Ко времени эмиграции Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) был признанным писателем; у него уже было несколько книг, начиная с книги сказок «Посолонь»¹, а в 1910–1912 годах вышло восьмитомное собрание его сочинений. Однако с самого начала он испытывал трудности с изданием своих произведений², и жалобами на «непризнанность» пестрят его автобиографические книги и письма. Книга «Иверень», опубликованная уже после его смерти, повествует о первых профессиональных шагах писателя и, как кажется, объективно подводит итоги: «Я прожил полную, завидную жизнь, — ведь одно то, что я и пишу, и читаю, и рисую только для своего удовольствия, — и ничего из-под палки, и ничего обязательного! — но и трудно: вся моя жизнь, как крутая лестница»³.

Покинув Петроград в августе 1921 года, Ремизовы через Эстонию в конце года приехали в Берлин, а в ноябре 1923-го, после долгих колебаний и сомнений и при деятельном участии и содействии Льва Шестова, перебрались в Париж. Ограниченное число читателей, эта общая писательская беда в эмиграции, в случае Ремизова усугублялась сложностью и необычностью его творчества. Большая часть писем Ремизова эмигрантского периода — это переписка с издателями и редакторами журналов и газет, а также с друзьями о публи-

кации его произведений и о гонорарах. Язык Ремизова был почти непреодолимой преградой для переводов на иностранные языки и таким образом ограничивал еще одну возможность публикации за границей⁴.

Публикуемая переписка хорошо иллюстрирует отношения Ремизова с издательствами и редакторами, в данном случае с расположенными к нему и ценителями его творчества Б.П. Вышеславцевым, редактором YMCA-Press в Париже, и философом Н.А. Бердяевым, старым знакомым Ремизова еще по Вологодской ссылке начала XX века, в Париже редактировавшим журнал «Путь»⁵. В издательстве YMCA-Press вышли три книги Ремизова: две — «Звезда надзвездная» (1929) и «Образ Николая Чудотворца» (1931), издание которых является предметом публикуемой переписки, и, уже после войны, лучшая, на наш взгляд, из его автобиографических книг «Подстриженными глазами» (1951) и много позднее второе репринтное издание книги «Огонь вещей» (1977). Еще летом 1925 года, до начала переговоров о книге о свт. Николае и, вероятно, в ответ на просьбу о заступничестве перед издателями и редакторами, Бердяев писал Ремизову: «Я атаковал И.И. Фондаминского⁶ и И.П. Демидова⁷. <...> Оба уверяют, что не имеют ничего против Вас, но считают Вас писателем аристократическим, для немногих, и потому трудного для читателей»⁸.

Борис Петрович Вышеславцев (1877–1954), редактор YMCA-Press, юрист и философ, ученик проф. П.И. Новгородцева, в 1917 году профессор Московского университета, как и Бердяев, был выслан в Берлин с группой философов и ученых на так называемом «философском пароходе» в ноябре 1922 года⁹. Судя по его письмам к А.С. Яценко¹⁰, еще до высылки Вышеславцев старался выехать в Берлин. С Яценко он познакомился в студенческие годы и встречался за границей, где Вышеславцев провел два года в Гейдельберге и Марбурге, работая над своей диссертацией «Этика Фихте» (Москва, 1914)¹¹.

Яценко, как специалист по международному праву, был включен в состав первой советской делегации в Германию весной 1919 года и в советскую Россию не вернулся. С 1921 года он стал участвовать в работе Русских курсов заочного преподавания, организованных в Берлине отделом Христи-

анского союза молодых людей (ХСМЛ-ИМКА-УМСА). Американская организация УМСА занималась в то время работой с русскими военнопленными и издавала главным образом технические учебники самообразования. Высылка философов и ученых в конце 1922 года — и в особенности деятельность Бердяева и Вышеславцева — сыграла решающую роль в изменении направления работы русского отдела УМСА. В своей книге «No East or West» центральную главу П.Ф. Андерсон, активный участник работы УМСА в Берлине, в дальнейшем директор издательства, озаглавил «The Berdyaev Years, 1922–39»¹².

1 декабря 1922 года в Берлине была основана Религиозно-философская академия, а уже в 1924 году в YMCA-Press вышел сборник статей «Проблемы русского религиозного сознания», включавший — кроме статьи Вышеславцева, редактировавшего сборник, — статьи Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, В.В. Зеньковского, С.Л. Франка, Н.О. Лосского и Н.С. Арсеньева. В том же году русский отдел УМСА — не без участия Вышеславцева — перенес свою деятельность в Париж¹³. В декабре 1923 года Вышеславцев писал Яценко из Парижа о своих впечатлениях и встречах: «Громадное поле здесь открывается <...> для деятельности нашей УМСА. Русская колония здесь непрерывно возрастает. Происходит настоящее бегство русской молодежи во Францию. <...> Познакомился со множеством людей и с больш<им> количеством молодежи, которая здесь совершенно отборного состава — гораздо лучше берлинской. Большое впечатление произвел на меня еп<ископ> Евлогий¹⁴, это человек совершенно редкого charm'a. Он предлагал мне действительно развить работу здесь. <...> Очень велик интерес к нашей берлинской Религиозно-философской академии. Вообще, здесь нет того мрачного уныния, какое было перед моим отъездом в Берлине»¹⁵.

В Париже Вышеславцев был профессором в основанном в 1925 году Свято-Сергиевском Богословском институте, читал циклы лекций в Религиозно-философской академии, выступал с публичными лекциями, принимал активное участие в работе РСХД. Одной из сторон его деятельности была редакторская работа. Он был редактором издательства YMCA-Press, американским директором которого был П.Ф. Андерсон, а также соредактором Н.А. Бердяева в журнале «Путь».

После публикации УМСА-Press книг Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский»¹⁶ и В.Н. Ильина «Преподобный Серафим Саровский»¹⁷, посвященных русским святым, следующая книга, по мысли Вышеславцева, предполагалась о Николае Чудотворце, универсально почитаемом и особо чтимом в России.

Не удивительно, что Вышеславцев обратился именно к Ремизову с предложением написать эту книгу. В первом же письме он упоминает незадолго до того вышедший «Звенигород окликанный»¹⁸, включавший полностью цикл притч и сказаний, составивших первую книгу Ремизова, посвященную свт. Николаю, — «Николины притчи» (1917).

Работая с фольклорными источниками, Ремизов начал заниматься сказаниями о Николае Чудотворце задолго до революции. Притча «Никола Угодник» была опубликована еще в 1907 году, ею открывался сборник 1917 года, и затем она неизменно включалась во все дальнейшие перепечатки Никольских притч, в том числе и в «Звенигород окликанный». В этой притче Никола так занят работой на земле, что опаздывает в рай на собственный праздник: «В лапотках, седенький, с посохом ходил так Угодник по Русской земле с вешнего Николы всю весну, лето и осень до самой Никольщины» (30, 12). Перечисление святых, собравшихся на праздник, Ремизов сопровождает народными названиями святых, частично восходящими к народному месяцеслову (Иван-Купал, Наталья-овсяница, Никита-репорез и др.). За праздничным столом Никола перечисляет грехи и неправды на Русской земле и заканчивает: «Велел мне ангел Господень истребить весь русский народ — ...да простил я им <...> больно уж мучаются» (30, 15).

В сборнике 1917 года Никола чаще всего появляется в образе старичка, иногда даже без указания имени; иногда он заменяет Христа, апостолов или других святых в тексте источника; он часто более активен, а отдельные детали более реалистичны, чем в фольклорном тексте. Основные действия Николы — заступничество за бедных и помощь в крестьянском труде, но он является и в грозном облике, наказывая за скупость и ложь, за жадность и стремление к обогащению, за глупые слова и за непослушание, но неизменно награждая за щедрость. Выбор легенд из фольклорных ис-

точников¹⁹ отражает интересы Ремизова как писателя. Значительная тема в сборнике — человеческая судьба, которую нельзя изменить, — это одна из основных тем творчества Ремизова. Принятие своей судьбы награждается за гробом, попытка обойти судьбу неизменно оканчивается поражением. В нескольких легендах с атрибутами волшебной сказки (ковер-самолет, превращения, чудесные перемещения) Никола особенно четко выступает в роли чудесного помощника. В большинстве случаев варианты Ремизова значительно короче фольклорных, отвлекающие детали исключены, основная линия сюжета выявлена более определенно.

Определяя свой подход к народным источникам, Ремизов считал, что в случае художественного пересказа фольклорного сюжета «все сводится к самой широкой амплификации, т. е. к развитию <...> подробностей или к дополнению к <...> тексту, чтобы в конце концов дать сказку в ее возможно идеальном виде. Что и как прибавить или развить и в какой мере дословно сохранить облюбованный текст, — в этом вся хитрость и мастерство художника»²⁰.

В первом письме от 5 октября 1925 года Вышеславцев поднимает вопрос о книге о Николае Чудотворце, имея в виду *жизне* святого для современного читателя. А в марте 1926 года Ремизов пишет своему старому другу Льву Шестову, с которым переписывался всю жизнь, даже живя в одном городе: «Читаю по-французски о St. Nicolas. Я до сих пор не могу решиться подписать контракт с Вышеславцевым и попросить денег: боюсь, что житие такое выйдет — *не примут*. <...> Так как ничего не известно о жизни, я думаю перевести все на современность — в Париж. А это не больно-то! Вот этим всем я занят с утра до поздней ночи. Все делается, ничего не готово»²¹.

Сомнения Ремизова, как видно, были серьезны и небезосновательны. В первый номер журнала «Версты», вышедший в июле 1926 года, он дал отрывок из предполагавшейся книги — вероятно, «на пробу», чтобы рассеять сомнения, о которых он пишет Шестову. Эта публикация озаглавлена «Из книги “Николай Чудотворец”» и к ней дано следующее примечание: «В издательстве УМСА-Press появится книга Алексея Ремизова “Николай Чудотворец”. С любезного согласия издательства печатаются некоторые главы из этой книги»²². Одна-

ко, судя по письму Ремизова Шестову от 8 апреля 1926 года, эти главы были написаны специально для «Верст»: «...сел писать — “Версты” непременно требуют, чтобы теперешнее, — пишу из книги “Николай Чудотворец”»²³.

Ремизов не ошибался, думая, что издательство не примет книгу, в которой все «переведено на современность», как следует из письма Вышеславцева от 25 октября 1926 года. Главы, напечатанные в «Верстах», не вошли в книгу «Образ Николая Чудотворца», а работа над материалами о свт. Николае растянулась на несколько лет²⁴.

Ближайшим результатом этих разысканий явились два тома легенд «Три серпа», вышедшие в 1929 году, куда включены и главки, напечатанные в «Верстах»²⁵. В этих сборниках Ремизов продолжает «перевод на современность»: вносит в византийские повести современные реалии и лексику, использует анахронизмы, перенося действие в наши дни, часто обрамляя эпизод традиционным текстом. Рассказ «Урс», открывавший первый том сборников «Три серпа», повествует об одном из самых известных прижизненных чудес свт. Николая — помощи бедному отцу трех дочерей. Ремизов сохраняет имя Урс и сюжет рассказа, но город Патары превращается в Париж («станьте где-нибудь у Опера или у Мадлен, посмотрите кругом»), а нужда Урса — в нужду русского эмигрантского Парижа XX века: «Сестры, чтобы жить в таком городе, морды куклам раскрашивали <...> — заработка еле хватало на день, а одеться и на квартиру думать нечего. <...> Урс служил в газетах по информации» (ТС 1. С. 8). После вещего сна, в котором его спасает от смерти молодой священник, Урс находит на столе чек: «Детей не было дома. Урс сварил себе кофе и без пальто — тепло, весна! — вышел. В Сен-Сюльпис звонили к обедне» (ТС 1. С. 11). Кончается же этот рассказ снова в Патарах: «Урс первый назвал это имя громко — Николай. И с тех пор имя «Николай» стало самым громким в Патарах» (ТС 1. С. 12). Вот еще несколько примеров: «В соседней Фригии взбунтовались из-за какого-то продналога. Из центра послан был карательный отряд под начальством трех командиров» (ТС 1. С. 46); «При царе Исааке Комнине и патриархе Михаиле Керуларии жил-был

в Константинополе серебряник Козлок. <...> Так доживали они свою старость, Козлок и Анна Петровна» (ТС 2. С. 19).

Отзвуки работы над книгой не ограничились сборниками «Три серпа». В сказании «О Василии» (ТС 2. С. 93–112) находим отклики поездки Ремизова в Бретань. Сказочный мир и приключения мальчика Василия, сына Агрика, похищенного арабскими корсарам, переплетаются с жизнью бретонского мальчика Биду, рассказ о котором включен в книгу «По карнизам»²⁶.

Отношение рецензентов и критиков к амплификациям и хронологическим сдвигам в легендах, включенных в «Три серпа», было крайне противоречивым. Прекрасный знаток литературы, чуткий критик и ценитель творчества Ремизова, К.В. Мочульский видел в Ремизове — авторе легенд о свт. Николае — последнего из народных сказителей: «Он продолжает творимую легенду, начало которой в XI веке. И, принимая из рук народа нить рассказа, он знает, какую возлагает на себя ответственность. Поддайся он соблазну подражания и “стилизации” — и светлый образ померкнет. Из иконы получится “портретная живопись”. Ремизов и не пытается “народничать”. От своего имени и своим голосом рассказывает <...> — все, что есть и что пережито, — кладет свой отпечаток на сказания о святом Николае. Духовное явление <...> анахронизмов не боится, с бытом ладит и чудесно примиряет самое древнее с наисовременнейшим. Для Ремизова легенды — не археология, а жизнь со всеми мелочами, и сегодняшний день, и вечность»²⁷.

Отрицательна рецензия В.В. Набокова: «Прелесть анахронизмов, встречающихся в древних апокрифах, заключается в том, что они естественны. <...> Ремизов же щеголяет сознательными анахронизмами, на фоне древнего быта, для изображения которого потребовалось глубокое знание старины, — я бы, сказал, навык старины. Это несомненное знание и делает его анахронизмы неприятными. Кроме того, в них чувствуется не столько московский быт (как, казалось, должно было быть, судя по заглавию), сколько русский Париж»²⁸.

И безоговорочно отрицательную оценку «переводу на современность» дал И.А. Ильин. Для него хронологические сдвиги и современные реалии в легендах о Николе в «Трех

серпах» подчеркивают «неправдоподобность и нереальность образа». Источник этого приема Ильин видит в сновидениях, играющих значительную роль в творчестве Ремизова: «И вот внешняя наглядность гибнет от безвкусно-сновидческого всесмешения; а религиозная обоснованность гибнет от смешения святого всемогущества с грешным волшебством и эмпирической техникой. Такую легенду нельзя увидеть художественно. <...> В такую легенду нельзя поверить религиозно»²⁹.

Так как работа над книгой затягивалась, издательство пошло навстречу Ремизову и, по его просьбе, выпустило к Пасхе 1928 года книгу «Звезда надзвездная», в которую вошли главным образом ранее опубликованные легенды. Изданию этой книги посвящены письма конца 1927 и первой половины 1928 года.

Вышедший наконец в 1931 году «Образ Николая Чудотворца»³⁰ — это не та книга, на которую пытался вдохновить Ремизова Вышеславцев; как оказалось, выполнить заказ Ремизов не мог. Трудность, с которой он столкнулся, занимаясь житием свт. Николая, в отличие от святых, близких нашему времени, — минимальные исторические данные о святом с колоссальным количеством чудес, и прижизненных и посмертных³¹. Кроме того, исследователи житий свт. Николая сходятся на том, что было два святых с именем «Николай», бывших епископами в Ликий, — архиепископ Мирликийский, живший в IV веке, и епископ Пинарский, тоже в Ликий, живший в VI. Еще в Византии Николая Пинарского стали отождествлять с Мирликийским. Отсюда многократные подчеркивания Ремизовым в тексте книги отсутствия исторических данных о свт. Николае.

Уже само название книги указывает, что это не житие в принятом смысле. Слово «образ» многозначно. Это образ-икона — и в книге есть описание различных традиционных иконографических изображений святого³²; но гораздо объемнее в книге значение слова «образ» как представление о святом, о том, как видится он в действии, в своей чудодейственной помощи людям. Ремизов приходит к выводу, что «все жития по духу связаны друг с другом и представляют собой раскрытие сущности образа Николая Чудотворца». Вопросы исторической достоверности «не имеют никакого

значения при рассмотрении явления духовного мира: был и есть и будет единый образ Николая Чудотворца» (15). Это утверждение подчеркивает фактическую неисполнимость первоначального плана.

С первых слов в книге Ремизов подчеркивает отсутствие исторических документов о жизни свт. Николая и широкое — всемирное — распространение почитания: чудеса, легенды, художественные изображения: «Николай Чудотворец одарен всем, и помощь от него людям во всем и забота его о всех» (11). Далее дается история житий и выделяется сирийское житие: «Николай-странник <...> это “духовное житие” Николая Чудотворца, особенно любимое и распространенное в России» (14)³³. В книге пересказ житийной информации перемежается с отступлениями и перечислениями, а также с апокрифическим материалом. Вот один пример широты почитания святого: «На Западе, где именем его крещены города, деревни, горы, леса, поля, скалы, долины, торги, рынки, мельницы, кузницы, он — молодой епископ <...> покровитель детей, невест и моряков, в руке три яблока или три кошелька <...> появляется он на зимнего Николу и в туфли у камина кладет подарки — так прошел он все дороги, пуги и тропки Италии, Франции, Англии, Бельгии, Нидерландов, Германии, Чехии с мешком гостинцев, с игрушками и погребушками. А в России он — или грозный архангел с мечом, или архиерей чудотворец, или простой священник — “Никола Милостивый”, которому после Богородицы первому поклон» (23–24). Ремизов дает описание композиции распространенных икон в России, включает список разных наименований икон и историю чудотворных икон на Руси, пересказывает житийные чудеса. По тексту также рассыпаны обращения и молитвы к Николе. Упомянув о распространении в России сказок о Николе, в подтверждение универсальности культа святого Ремизов заканчивает эту часть книги фольклорными рассказами — рассказ о подрядчике в Москве, который надеется, что его добрый друг еврей, даже если не верит во Христа, то, может быть, «верит» в Николу Угодника (56–59); и о татарине Хасане, который молится Николе о украденной лошади (59–61). Последняя глава посвящена почитанию свт. Николая во Фран-

ции, здесь Ремизов описывает свое путешествие в Нормандию на поклонение St. Nicolas de Varengeville.

В книге Ремизов использует повторы для особо значительных тем. Так, подчеркивая отказ от исторического повествования, он, однако, повторяет обычную дату: «Явление Николая Чудотворца на земле приурочено к IV в. <...> при императоре Константине Великом» (17). Далее добавления к повторам расширяют контекст, в этом примере — исторический: «...к началу новой эры — свободного исповедания христианской веры» (21), и следующий: «...время жизни Василия Великого, Григория Богослова <...>, время создания Нового Рима...» (24). Перечисляя «специальности» святых, помогающих в различных случаях, Ремизов подчеркивает универсальность свт. Николая, он «заступник» — между Христом и людьми — «новый спаситель» (11). Последние слова превращаются в рефрен — «новый спаситель» — не второй Богочеловек, не Сын Божий, единственный Спаситель, принявший грехи мира <...> «Новый Спаситель», замещающий Христа на земле <...>, предстательствующий перед Спасителем за грешного и бедующего человека...» (19); «Христос» — это очень высоко и очень требовательно» (20; и далее 22).

Но самый значительный сквозной мотив в книге — это отождествление Николая Чудотворца с Архангелом Михаилом. Этим утверждением окрывается книга: «Св. Николай Мирликийский разделяет судьбу трех великих змеборцев: Федора, Георгия и Димитрия. Никаких исторических данных о жизни их на земле нет. Николай Чудотворец есть явление духовного мира, как Федор-Тирон-Стратилат, Георгий Победоносец, Димитрий Солунский; явление их есть изъятие силы Архангела Михаила. И часто заступают один другого, но из всех образ Николая Чудотворца выражает во всей полноте сущность Архангела» (9). Упоминаний-повторов, а также более развернутых сопоставлений, связывающих архангела Михаила и свт. Николая, множество. Назовем некоторые из них. Ремизов видит связь свт. Николая с Архангелом и в начале его жизни, и в конце, и в посмертном почитании: «Дух житий, из которого выкрился образ чудотворца, уходит к V–VII вв. — к культу Архангела Михаила, распространенному в местностях, пограничных с Ликией, родиной Николая Чудотворца, и на другом конце в Апулии в Бари, месте

упокоения Николая Чудотворца, около горы Архангела — Monte Gargano, отмеченной первым явлением Архангела Михаила (439 г.)» (24). Архангел Михаил является Николаю Чудотворцу перед смертью (39); известный образ — Никола Зарайский — назван «крылатым чудотворцем» (53).

Отождествление свт. Николая с Архангелом Михаилом — апокрифический мотив, распространенный, в частности, в богомильских легендах и хорошо известный Ремизову, занимавшемуся фольклорными источниками в начале века³⁴. Можно предположить, что кроме влияния фольклорных источников, где свт. Николай и Архангел Михаил часто сливаются в один образ или заменяют друг друга благодаря значительному совпадению функций, которые они выполняют в этих текстах, на Ремизова также повлияло значение Архангела Михаила в антропософии³⁵.

Интерес Ремизовых к антропософии — в особенности Серафимы Павловны, которой посвящен ОНЧ, как и все книги Ремизова, и которой первой он выражает благодарность за помощь со славянскими текстами, — это особая тема. Здесь укажем только несколько безусловно значимых биографических фактов — «встреч». Еще в дореволюционные годы Серафима Павловна ездила на курс Рудольфа Штейнера «О мистериях», который он читал в Мюнхене в августе 1913 года³⁶. В марте 1922 года, когда Ремизовы уже были в Берлине, помимо лекций на «учебной неделе» Антропософского общества в Берлине, Штейнер также выступал с публичными лекциями³⁷. Эта возможная «встреча», как видно, возобновила интерес Ремизовых к антропософии, и в свое первое лето за границей — лето 1922 года — они ездили в Breitbrunn на Ammersee в Баварии, где жил Михаил Бауэр (Michael Bauer, 1871–1929), один из первых учеников и последователей Штейнера, активный антропософ³⁸.

По словам Андрея Белого, после поездки к Бауэру Ремизов воскликнул: «Да ведь это какой-то “Амвросий Оптинский” на немецкий лад!»³⁹ В годы работы над ОНЧ Ремизов опубликовал несколько легенд из «Николиных притч» (1917) и «Звезды надзвездной» (1928) в антропософских изданиях⁴⁰, в том числе рассказ «Меч веры», повествующий о перенесении мощей свт. Николая, где он сам «избирает себе дру-

гое место упокоения: не Миры, а у Гарганской горы архангела Михаила, город Бари» (ТС I. С. 76).

В ОНЧ, небольшой книге из девяноста страниц, почти треть занимает отдел «История и библиография» и примечания. Аннотированная библиография прослеживает историю исследования материалов о свт. Николае. Примечания не ограничиваются ссылками на источники, а дают некоторые авторские комментарии и добавочные цитаты из источников, в том числе перечисление наиболее известных чудес святого (по латыни, а затем в русском переводе) с указанием, что они включены в сборники «Три серпа» (С. 86, примеч. 44). Скрупулезное перечисление источников, послуживших материалом для легенд и сказок Ремизова, вошло в его практику после опубликования первых переработок фольклорного материала⁴¹ и, таким образом, здесь не было чем-то новым.

Ремизов заканчивает книгу — после выражения благодарности друзьям и знакомым, помогавшим ему с материалами, в особенности с греческими и латинскими текстами, — снова повторяя свой подход к источникам: «О Николае Чудотворце исторических материалов нет, есть только легенды. И надо было «воссоздать» эти легенды, из которых выступил бы живой образ, самый человеческий из человеческих — Никола» (90). Последние слова книги еще раз повторяют невозможность писать по заказу: «То, что пишется, пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется. И если результат работы хоть в какой мере приближается к замыслу, задача исполнена. А понятно это или непонятно, к делу не относится, потому что, как нет одного понимания, так нет одной оценки — на всех не угодишь» (Там же).

«Образ Николая Чудотворца» — это последняя книга Ремизова о Николае, здесь он подводит итоги своим многолетним занятиям этой темой — свое многолетнее «паломничество» к Николаю Угоднику, оказавшееся таким интенсивным после заказа УМСА-Press. Подзаголовок книги — «Алатырь-камень русской веры» — объясняется эпиграфом к ОНЧ, восходящим к «Голубиной книге» духовных стихов. Алатырь — это загадочный камень в фольклоре, «всем камням мать», который проявляет свою чудодейственную силу «на вешний Николин день». Так Ремизов подчеркивает связь этой последней

книги о Николае Чудотворце с истоками своей работы о святом. Эта книга не только была последней книгой Ремизова о свт. Николае, но и оказалась последней, опубликованной до Второй мировой войны и таким образом заключавшей предвоенный период.

Публикуемая переписка охватывает период с конца 1925 года до конца 1932-го. Письма Б.П. Вышеславцева и П.Ф. Андерсона публикуются по автографам из коллекции А.М. Ремизова и С.П. Ремизовой-Довгелло в Центре русской культуры в Амхерст Колледж (Center for Russian Culture, Amherst College). Эти письма, как и другие письма к Ремизову, вклеены в составленные им альбомы, где расположены не по корреспондентам, а хронологически. За исключением пневматичек и открытки, письма Вышеславцева, как и письма Андерсона, — автографы и авторизованная машинопись, написаны на бланках УМСА-Press. Цитаты и ссылки на неопубликованные письма из этого архива обозначены *Амхерст*.

Письма Ремизова к Вышеславцеву, а также его письма к П.Ф. Андерсону публикуются по фотокопиям автографов из архива УМСА-Press в Париже. Письма Ремизова к Н.А. Бердяеву, а также два письма к Б.П. Вышеславцеву находятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета (помечены БА).

Приношу глубокую благодарность за содействие в работе Роберту Хьюзу, а также директору архива в Амхерст проф. Стэнли Рабиновиц, директору УМСА-Press проф. Н.А. Струве и куратору Бахметевского архива Т. Чеботаревой. Особая благодарность Томасу Уитни, основателю архива Amherst Center for Russian Culture и многолетнему хранителю архива А.М. и С.П. Ремизовых.

Ольга Раевская-Хьюз

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ремизов. А.М. Посолонь. М.: Золотое Руно, 1907; Париж: ТАИР, 1930 // Собр. соч. М., 2000–2003. Т. 2. Далее: Собр. соч. с указанием тома и стр.

² См.: *Keys Roger. In Search of an Audience: The Transformations of Aleksei Remizov's First Novel Prud (The Mere)* // *Aleksei Remizov's Prud*

(*The Mere*). The Final Text of the Novel. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 2004.

³ Иверень. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1986. С. 17; Собр. соч. Т. 8. С. 270.

⁴ См.: «...С Вами беда — не перевести». Письма Д.П. Святополка-Мирского к А.М. Ремизову. 1922–1929 / Публ. Роберта Хьюза // Диаспора. V. 2003.

⁵ «Путь» (1925–1940) — орган русской религиозной мысли под ред. Н.А. Бердяева, при участии Б.П. Вышеславцева и Г.Г. Кульмана.

⁶ Илья Исидорович Фондаминский (1880–1942) — один из редакторов ежесемейного общественно-политического и литературного журнала «Современные записки» (1920–1940).

⁷ Игорь Платонович Демидов (1873–1946) — заместитель редактора ежедневной газеты «Последние новости», выходившей в 1920–1940 годах под ред. П.Н. Милюкова.

⁸ Открытка от 12.6.<1925> (*Амхерст*).

⁹ См.: *Геллер М.* «Первое предостережение» — удар хлыстом // Вестник РХД. 127 (1978). С. 187–232; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005.

¹⁰ Александр Семенович Яценко (1877–1934) — редактор-издатель журнала «Русская книга» и «Новая русская книга», выходившего в Берлине в 1921–23 годах; см. о нем вступ. ст. в: Русский Берлин. 1921–1923. Париж: YMCA-Press, 1983; 2-е изд. 2003.

¹¹ Из основных трудов Вышеславцева, опубликованных за границей: Сердце в христианской и индийской мистике. Париж, 1929; Этика преображенного эроса. Париж, 1931; Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Несоциализм. Неолиберализм. Нью-Йорк, 1953; 2-е изд. 1982; Вечное в русской философии. Нью-Йорк, 1955.

¹² Павел Францевич Андерсон (1894–1985). *Anderson Paul F.* No East or West. Paris: YMCA-Press, 1985. Русский перевод этой главы «Бердяевские годы 1922–1939» см. в: Вестник РХД. 144 (1985). С. 244–291.

¹³ См. историю издательства: А.В. Карташов — Н.А. Струве. 70 лет издательства YMCA-Press. 1920–1990. Париж, 1990; а также очень ценную статью Е.В. Ивановой «Деятельность издательства YMCA-Press в Берлине» в: Вестник РХД. 188 (2004). С. 334–363. В статье использованы материалы из архива П.Ф. Андерсона, хранящегося в University of Illinois, Urbana-Champaign.

¹⁴ Евлогий (Георгиевский, 1868–1946) — с 1922 года митрополит, утвержден Патриархом Тихоном как Управляющий русскими православными приходами в Западной Европе. С 1930 года — экзарх Вселенского Патриарха. См.: Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия. Париж, 1947; М., 1994.

15 Письмо от 3 декабря 1923 года. Гуверовский архив. Коллекция Б.И. Николаевского.

16 *Зайцев Б.* Преподобный Сергей Радонежский. 1925; 2-е изд. 1925; фр. пер. в изд. Plon, 1928.

17 *Ильин В.Н.* Преподобный Серафим Саровский. 1925; 2-е перераб. изд. 1930, неоднократно переиздавалось.

18 *Ремизов. А.М.* Звенигород окликанный. Николины притчи. Париж: Алатас, 1924. Далее в тексте: ЗО.

19 Основным источником фольклорного материала для Ремизова была работа А.Н. Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха» (1880–1891). См: *А.М. Грачева.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. См. также вступ. заметку И.Ф. Даниловой к «Докука и балагурье». Народные сказки. Собр. соч. Т. 2. С. 642–644.

20 *Ремизов. А.М.* Письмо в редакцию. Приложение. Письма М.М. Пришвина к А.М. Ремизову / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 206; Собр. соч. Т. 2. С. 608.

21 Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 2. С. 143–144. Далее: Переписка с Шестовым, с указанием страницы.

22 Версты. 1. 1926. С. 37.

23 Переписка с Шестовым. С. 150.

24 См. примеч. 4 к письму 14.

25 Три серпа. Московские любимые легенды: В 2 тт. Париж: ТАИР, 1929. (Издание дочерей С.Н. Рахманинова Татьяны и Ирины.) Ссылки на это издание (ТС), с указанием тома и страницы, даются в тексте. Главы из «Верст»: «Урс», в «Верстах» озаглавленный «Bankers Trust Company»; «К стенке»; «Беспризорные» и «Вне закона». Ссылки на это издание (ТС), с указанием тома и страницы, даются в тексте.

26 По карнизам. Белград. Изд. Русская Библиотека, 1929. Впервые опублик.: Бику // Версты. 3. 1928. С. 26–34.

27 *Мочульский К.* Ал. Ремизов. Образ Николая Чудотворца <...> Московские любимые легенды <...> По карнизам <...> // Современные записки. 1932. № 48. С. 480; Кризис воображения. Томск, 1999. С. 306.

28 *Набоков Владимир.* Рассказы. Приглашение на казнь. Роман. Эссе, интервью, рецензии. М., 1989. С. 370. Рецензия на «Современные записки» № 37 (1928). Опубл. в газете «Руль», 30 янв. 1929.

29 *Ильин И.А.* Творчество А.М. Ремизова // О тьме и просветлении. Мюнхен, 1959. С. 120.

³⁰ Книга включена в Собр. соч. Т. 6. Приложения. Далее в тексте: ОНЧ.

³¹ Это отражается и в иконографии свт. Николая. См., напр., небольшую книжечку Д.И. Чижевского с описанием коллекции икон свт. Николая в музее Recklinghausen в Германии, где из 16 репродукций 9 посвящены чудесам. Dmitrij Tschizhewskij. The Icons of St. Nick. Overseas Publishers, 1964. (Original publ.: Aurel Bongers Publ. Recklinghausen, 1957.)

³² Отрывок из книги (ОНЧ. С. 50–53) с историей происхождения различных икон был напечатан в журнале «Звено» под названием «Николина вера. См.: Звено. 1928. № 2 (1 февраля). С. 95–102. Далее ссылки на страницы в ОНЧ даются в тексте (в круглых скобках после цитат).

³³ См.: *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; 1988. Историю житий на русской почве см. в статье О.В. Творогова «Житие Николая Мирликийского» в: Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 1. С. 168–172. Считается, что так называемое «иное житие» относится к Николаю Пинарскому, а написанное Симеоном Метафрастом (X в.) — к Николаю Мирликийскому.

³⁴ Этой теме посвящена особая глава в книге Б.А. Успенского «Филологические разыскания в области славянских древностей». М., 1982.

³⁵ См., напр.: *Steiner Rudolf.* The Archangel Michael: His Mission and Ours. Selected Lectures and Writings. Hudson, N. Y., Anthroposophic Press, 1994.

³⁶ См.: Андрей Белый и антропософия: Материалы к биографии (интимной) / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. 6, 1988. С. 354.

³⁷ См. письмо Андрея Белого от 12 марта 1922 года и комментарии к нему: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб., 1998. С. 237–246.

³⁸ См. помету Ремизова даты и места получения на письме А.В. Тырковой-Вильямс к Серафиме Павловне от 15 июля 1922 года (*Амхерст*).

³⁹ *Андрей Белый.* Воспоминания о Штейнере. Paris: La Presse Libre, 1982. С. 160.

Продолжавшийся интерес Ремизовых к антропософии подтверждается открыткой иеромонаха Иоанна (Шаховского) к Серафиме Павловне от 1.12.30, как видно, отвечающей на вопрос или продолжающей разговор: «О Господе чтимая Серафима Павловна, думается мне, что не стоит нам идти к антропософам. Простите за краткость письма. Иеромонах<ах> Иоанн>». Предыдущая открытка (20.11.30) подтверждала назначенную встречу (*Амхерст*). В «Вестнике РСХД» иеромонах Иоанн опубликовал статью «О прямых путях (Неправда теософии и антропософии)» (1932, № 10–11. С. 4–9).

⁴⁰ См. по библиографии Héléne Sinany. Alexis Remizov: Bibliographie. Paris, 1978.

⁴¹ См. выше примеч. 20.

Ремизов и YMCA-Press

Переписка 1925–1932 годов

1. Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову

5 окт<ября> 1925 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович! Прежде всего позвольте выразить искреннее сожаление, что я до сих пор еще не знаком с Вами лично. Это, однако, нисколько не мешает мне давно и хорошо знать и любить Вас как изумительного и ни с кем не сравнимого русского писателя. В прошлом мы с женой плакали при чтении Вашего «Звенигорода окликанного»¹. Он дает русской душе то, о чем она больше всего тоскует: запах весенних полей, родной земли, музыку исконной народной речи и гениальную наивность язычески-христианской религиозности. Но за всем этим есть нечто бесконечно более глубокое, что я оцениваю как гениальное достижение: это святость в русском духе, прикосновение к Божественному, к наглядным глубинам народной совести, к самому заветному в ней.

Вот это чувство, пережитое мною, и заставляет меня обратиться к Вам.

Мне хотелось бы вдохновить Вас на книгу о Николае Угоднике². По-моему, только Вы можете ее написать. А она нужна русскому человеку не менее, если не более, чем такая книга, какую написал для нашего издательства Борис Зайцев (Преподобный Сергей)³. Книга должна быть написана приблизительно так, как Вы писали свои «византийские» вещи⁴.

Но об этом необходимо поговорить лично. Поэтому доставьте мне удовольствие познакомиться с Вами и позвольте мне у Вас побывать. Конечно, был бы оч<ень> рад и Вас увидеть у себя.

Ответьте мне: 44, rue St. Sébastien, Paris, XI, Mr. Vycheslav.